

Макс Неволошин

И три копейки на газировку

Рассказ

Каждый раз, отправляясь за город, я вспоминаю забавный стишок:

Стал на рыбалку мужик собираться.
Удочку взял, чтобы рыбу ловить,
Взял дождевик, чтобы им укрываться,
Взял самовар, чтобы чай кипятить.
Взял он кровать, чтобы спать на кровати...

Ну и так далее.

Это про нас. На двухчасовой пикник мы берем:

- еду и напитки;
- одноразовые столовые приборы, которые служат нам много лет;
- раскладные кресла, столик и шезлонг;
- лосьоны от загара и moskitov, а также дезодорант на всякий случай;
- полотенца для лежания и вытирания;
- воду для умывания;
- наколенный бандаж — мне: вдруг захочется пройтись (главное — не перепутать ногу);
- очки и шапочки для плавания, затычки для ушей;
- бейсболки и солнцезащитные очки;
- дополнительный комплект нижнего белья;
- два мобильника, айпэд;
- подумав, добавляем таблетки от живота и головы...

Наша кошка Тиша с растущим беспокойством следит за этой возней. Тоска и уныние охватывают ее. Тише кажется, что мы уезжаем навсегда.

А ведь я не забыл, как срывался на Волгу пацаном. Шорты, майка, сандалии и три копейки на газировку. Иногда — с компанией, чаще — один. Одиночество редко

Макс Неволошин родился в Самаре. В прошлом — учитель средней школы. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Автор двух сборников рассказов: «Шла шаша по соше» (2015) и «Срез» (2018). Печатался в «Новом журнале» и «Волге». Живет в Сиднее. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

тяготило меня. Маньяков и киднеппинга в те годы еще не придумали. «Съездил бы на Волгу, — говорила мама, — осенью начитаешься». Шесть остановок зайцем до соседнего поселка. Белая пыль дамбы, щебень, утрамбованный тысячей ног. Перелесок. Прорехи яркой синевы заставляют ускорить шаг. Река, небрежно заштрихованная солнцем. Одежда слетает на ходу. Раскаленный мех песка. Последний бросок — и мы с водой едины. Хлесткие пощечины от волн. Борьба с течением, которое все равно уносит метров на пятьдесят...

Затем я выбираю людное место — какая-никакая страховка от шпаны. Майка и шорты — под голову. Устало валюсь на песок. Тело растворяется в зное, становится невесомым. Невнятно шумит пляж: треск моторок, смех, детские визги. Плотный стук мяча. Я переворачиваюсь на живот, задремываю. Время тянется расплавленным стеклом.

Главным убором я пренебрегал. Про средства от загара узнал лет через тридцать. Я был прокопченный и тощий, словно мексиканский беспризорник. Голода не чувствовал. Однако жажда неминуемо гнала меня домой. Я думал о киоске «Соки-воды» у остановки. Донести туда монетку удавалось не всегда. Местная гопота с полудня тусила на дамбе.

Загорелые ребята с выцветшими лицами. Лучший способ избежать контакта — пристроиться к большой семье. Удача — если они трясут кого-нибудь другого. Чаше, увы, начинался пошлый диалог.

— Эй! Ну-ка, иди сюда.

Оглядываюсь...

— Ты, ты. Бегом! Деньги, курить есть?

— Нет.

— Выворачивай карманы. В кулаке что?

— Ничего.

— Давай сюда, чмо! А говорил, нет. Ладно, вали отсюда.

Вряд ли им были нужны мои три копейки. Так, лишний раз показать, кто здесь хозяин. Валить приходилось быстро. Для ускорения могли вломить пинка.

Лет через пятнадцать многое изменилось. Исчезли в прошлом гопники и дамба. Мою экипировку пополнил рюкзачок, вмещающий одеяло, две бутылки и стакан. Купаться я ездил на остров Зелёненский. Он целиком контролировался нашими людьми. В левой его части находилась база отдыха. Справа — дикие, но взаимолояльные палаточные лагеря. Самый основательный — лагерь Глеба. С июня по август — мой второй дом.

Глеб Анисимов, лысеющий, упитанный, крепко, но достойно выпивающий москвич, служил полковником в генштабе. Когда-то давно самарская родня вывезла его на Зелёненский. Глеб настолько проникся, что стал робинзонить там каждое лето. Уединение его, впрочем, длилось недолго. Через племянника Глеб закорчился с компанией моих друзей — типичных пляжных раздолбаев. Разницу в годах легко не замечал.

Вскоре лагерь Глеба разросся до шести-семи палаток. Владельцы беззаботно оставляли их, уезжая по делам на материк. Постепенно утвердился жилищный коммунизм. Закруглив еженощный сейшн, участники расползались по вакантным местам. Иногда там уже кто-то валялся. Минута полусонной ругани, кряхтения, стонов, и лагерь затихал.

Глеб поднимался раньше всех. Деловито шагал за барханы — в туалет. Затем держал курс вдоль берега, против течения. Отходил километра на три и совершал утренний заплыв. Вернувшись, убирался, мыл посуду, реанимировал костер. Заваривал чай в котелке... Его душа не выносила беспорядка.

Позже, наведываясь в столицу, мы частенько зависали у Глеба. На своей территории полковник оказался болезненно методичен. Ни рюмки до того, как сварится (почищенная нами) картошка. Хозяин между тем лишал костей селедку. Резал ломтиками, живописно укладывал в хрустальное блюдо. Сбрызгивал маслом, посыпал колечками лука. Он был собран и точен, как нейрохирург. Затем раскладывал по мисочкам соленые волнушки, бочковые огурцы (лично ездил на рынок). Мелко шинковал укроп... А в холодильнике изнывала от нетерпения принесенная гостями водка.

Утро. Тягостное пробуждение на раскладном кухонном диване. Глеб ушел на лыжный кросс. Заявится веселый, свежий до противности. С порога кричит: «Рота, подъем! За пивом бегом марш! В ларек у продмага только что завезли».

Зимой полковник употреблял исключительно горячее пиво. «Летом надо охладиться, кто бы спорил, — рассуждал он, — но зимой-то это бред. Прямая дорога к ангине. А горячее — наоборот, профилактика. Я вот, например, с детсада не болею...»

(Иногда в наших широтах случаются зябкие дни. В такие дни, прихлебывая разогретый Тооheys, я вспоминаю Глеба. А если предварить рюмахой водки, м-м-м... Да хлебца черного в тостере запечь. Сдобрить его маслом, шлепнуть ломоть красной рыбы... Волнующая тема!)

Как-то раз я Глеба рассердил. Звоню ему в пятницу вечером. Отвечает незнакомый пьяный голос:

- Штаб-квартира полковника Анисимова.
- А где сам?
- Спит. Ты, вообще, кто?
- Ну, допустим, Макс. А ты?
- Ну, допустим, Лёха. Че хотел?
- Заехать, посидеть.
- Через магазин?
- Естественно.
- Годится. И провизии какой-нибудь возьми.
- А девчонок тебе не подогнать?
- Хэ-хэ! — усмехнулась трубка. — Девчонок отставить — своих навалом.

Дверь открыл Глеб, запустил меня в коридор. Взгляд тяжелый, будто не узнает.

- Ты чего? — спрашивает.
- Как чего?.. Пообщаться, — я тряхнул сумкой.
- Позвонить не мог?
- Звонил. Лёха какой-то ответил... Сказал, приезжай. Я думал...
- А разве это Лёхина квартира?

Из комнаты донесся звон посуды и женский смех. Я повернулся к двери.

— Ладно, заходи, раз приехал, — вздохнул Глеб. — Два часа посидишь и уйдешь. Сам. И не делай больше так, поссоримся.

Добраться на остров было несложно. Утром и вечером ходил паром. Недалеко от пристани — лодочная станция. Свезет — попадетесь знакомый на моторке. А нет, так бомбилы домчат за рубль. Нет рубля? Наливай стакан — и поехали. Спиртное имелося всегда. Без него в лагерь прибывали только комары.

Обитатели палаток со временем менялись. Измученные отдыхом старожилы ехали в цивилизацию. Их ждали чистые постели, горячий душ, еда без скрипа на зубах. Новые бойцы везли на остров запасы провианта, алкоголя, сигарет. Гостей нетерпеливо высматривали с берега. Наконец зоркий Юденич объявлял: «Ваня и Пальтишкин.

В дрейф легли, подонки». Лечь в дрейф означало заглушить мотор километра за три до цели. И, двигаясь по течению, начать банкет в спокойной обстановке. Наблюдая это, похмельные островитяне звереют. Наконец лодка вонзается в песок. Прибывшие выпадают из нее — счастливые до упора.

— Опять дрейфовали, гады?! — атакуют их на берегу.

— Много выжрали?

— Сейчас я их порву! — орет Юденич.

— Э, э... без горячки, пацаны, — Ваня хитрожопо улыбается. — Бутылку за доставку, это же святое...

— А сколько везете?

— Ящик.

Лица островитян светлеют.

— Ого! Красавцы.

— Герои!

— Стахановцы.

— Выгружаем — и к столу! — командует Глеб. — Стахановцам пока не наливать.

Несколько человек жили в лагере более-менее постоянно. Сам Глеб, Шуба, Захар и Юденич. Серёга Юдин всегда напоминал мне кого-то из героев Карла Мэя. Или Майн Рида — например, всадника без головы. Приземистый, крепкий, морщины — как стилист нарисовал. Познакомились мы в яслях. Затем ходили в одну группу детсада. Затем десять лет — в один класс. Первые шесть мы с боями отстаивали право сидеть вместе. Наконец классная сдалась: «Рассаживайтесь, как хотите». Тут же под ухмылки и смешки двое акселераторов пересели к девочкам. Хулиганы с облегчением устремились на галерку. Я шуганул отличницу Ларису, и Юденич уселся со мной.

С этого дня его успеваемость резко повысилась. Особенно по литературе. Перед опросом мой друг шепотом выяснял:

— Слышь, Макс, о чем думал князь Андрей под небом Аустерлица?

— О пустой суете бытия.

— А в глаз?

— О том, что неохота умирать.

— Почему умирать?

— Ну, ты, блин, даешь! Его же ранили.

— Понятно.

Перед сочинением интересовался:

— Ты читал поэму «Владимир Ильич Ленин»?

— Более-менее.

— Про что там? Только быстро.

— Ленин умер, Маяковский расстроился. И вспоминает его жизнь. Детство, отрочество, юность...

— Кому ты гонишь? Это Горький.

— Погоди. Значит, так: детство, казнь брата... увлекся марксизмом... ссылка.

Партия большевиков. Главное, не забудь: Ленин и партия — близнецы-братья. Понял?

— Не тупой. Дальше.

— Революция, гражданская война. Все. Заболел, умер.

— Ясно.

До конца урока Юденич сочинял, морщась и погрызвая ручку. И, к моему изумлению, получал четверку. Вот что значит хороший синопсис.

Дружба с Юденичем имела весомый бонус. Меня не доставали школьные быки. Серёга был надежным пацаном, хорошим спортсменом и умельцем начистить кому-нибудь репу. Особенно полюбил это дело в нетрезвом состоянии. Повод значения не

имел. Он мог, допустим, поздороваться с незнакомцем в каком-нибудь бандитском гетто. И пока тот соображает, что к чему, с криком «Где твоя вежливость, баран?!» провести серию ударов в голову и корпус. (С тех пор я всегда отвечаю на приветствия.)

Это хобби трижды приводило Юденича на больничную койку. Последняя лежка выдалась долгой. Серёга много размышлял. И решил навсегда бросить пить и драться. Говорят, воздерживается до сих пор. Работает начальником среднего звена. Увлёкся разведением овощей, по субботам ходит в баню.

Если человеку досталась курьезная фамилия, он просто обязан стать здоровым пофигистом. Выбора нет. Мой приятель Юра Меховой развил в себе это качество до основной черты характера. Как только беднягу ни звали: Мех, Смех, Тулупчик, Шапкин, Варежкин, Пальтишкин... Но чаще всего — Шуба. Когда Юра женился на высокой, худой девице, остроумцы тотчас прозвали ее Селёдкой.

Шуба на это чихать хотел, как и почти на все остальное. Улыбался, демонстрируя ямочки на щеках и стейнвейновские зубы. Будто в компенсацию за нелепую фамилию судьба одарила его внешностью голливудского плейбоя. Высокий рост, мужественный торс. Улыбка, от которой у девушек подгибались ноги. Его женитьбы, разводы и другие интимные забавы существовали параллельно. Фактически Шубу увлекали четыре предмета: рестораны, сиськи-письки и погреть летом задницу на Волге.

Последнее — в буквальном смысле. Как-то Юрой овладела идея нудизма. И он ее немедленно воплотил. «Девчонки не любят белых пятен, — уверял Шуба, — повсеместный загар их возбуждает». Однажды в процессе солнечной ванны Юра надумал закусить. Явился к столу, тряся достоинствами, протесты общественности игнорировал. И уселся голым задом на осу. Она его, конечно, долбанула. Друзья заржали, словно конница Будённого, и громче остальных — виновник торжества.

Кабаки, однако, требовали денег, желательны веселых и законных. Для начала Юра бросил институт. Произошло это на моих глазах и опять-таки буквально. Мы шли по набережной. Шуба рассказывал о своих планах.

— Как бросить? — удивился я. — Зачем?

— Вот так! Смотри...

Он крутанулся на месте, будто спортсмен, толкающий ядро. И запустил портфель в сторону Волги. В полете открылся замок. Тетради закружились, как чайки.

— Теперь надо отметить это дело, — сказал довольный Шуба, — у тебя бабосы есть?

Он устроился по благу — грузчиком в продмаг. Трахнул своевременно заводделом «Мясо». На работе дамочка скучала. Ей захотелось иметь поближе эту секс-машину. Через полгода Юру выгнали за служебное несоответствие. Он нанялся чего-то сторожить. Выгнали. Подался в ТЮЗ рабочим сцены. Выгнали. Далее — невнятно. Сомнительный бизнес, мутные партнеры. Попал на деньги или под следствие, хотя одно другому не мешает. Родители продали трехкомнатный флэт, еле отмазали. Приобрели два чулана в коммуналках — себе и Юре. Надо ли говорить, что вскорости Шуба свою комнату профуячил и явился жить к старикам. Молодость быстро кончилась, волосы и зубы поредел. Бывший плейбой торгует сушеной рыбой на дамбе. Той самой, по которой я мальчишкой ходил на пляж.

Миша Захаров ростом был примерно с Шубу. Но мордасию имел сугубо отечественную, почти фольклорную. Глазастая картошина, украшенная сеном. Миша (более известный как Захар) окончил школу с пятью двойками, без аттестата. Не оттого, что родился глупым, скорее, в знак протеста. Закусить от армии поленился. Пока служил, ахнула перестройка, разрешили частный бизнес. Старший брат уговорил

Мишу ехать в какую-то глухомань, откармливать бычков на продажу. «Куда Захар телят не гонял», — шутили друзья. Вернулись коммерсанты через год, матеря бычков и сельский дебилизм. Но клещ предпринимательства засел у Миши в голове.

Какое-то время мы не виделись. Я учительствовал в деревенской школе. Домой являлся редко. Затем собрался в Москву повышать квалификацию. Созвал друзей на прощальный фуршет. И Захар увидел печатную машинку. «О! — говорит. — Это то, что нужно. Дай на месяц? В магазине бланки напечатать».

Небольшое отступление. Тогда я увлекался сочинительством — в рифму и без. Погрелся в лучах местечковой славы. Но скоро она мне приелась. Я грезил о российском пьедестале, еще лучше — мировом. Сначала — публикации в толстых журналах, а там... Я воображал, какая охота начнется за моими текстами. Какая грызня...

Для сбычи этих мечт не хватало пустяка. Печатной машинки. Известно, что даже полная ахинья, набранная шрифтом B52, выглядит убедительно. Кроме того, для веерной рассылки необходимы копии. Мой луцкий дядя пообещал машинку, если я увезу ее сам. Машинка оказалась античным чудовищем с двойной кареткой. Весила она, как бронепоезд, еле доволоч. Тащить в Москву не решился... Да и с журналами, честно говоря, не задалось.

Короче, Миша машинку унес. Прошел год. Я поступил в аспирантуру. Машинка понадобилась до зарезу. Приходилось клянчить «Эрики» и «Оптимы» на время там и сям. Друзья отдавали их неохотно, будто расставались с любимыми. В итоге мне это надоело. Прилетел домой, звоню.

— Ба! Кого я слышу! — обрадовался Захаров. — Надо срочно увидеться. Жду тебя на площади у ларьков.

В атласных трениках и косухе Захар выглядел как символ девяностых. Мы обнялись. Он шутя двинул мне в ребра, я погрузил кулак в его живот. Все это слегка напоминало левый гангстерский фильм.

— Сейчас накатим за встречу, — объявил мой друг, — и поговорим.

Он вальяжно шагнул к ларьку. Взял, не заплатив, бутылку коньяка, стаканчики, шоколадку.

— У меня, — говорит, — здесь неограниченный кредит.

— Крышуешь?

— Это моя точка. И вон та.

Мы двинули в парк. Потом навешали знакомых. О машинке я как-то забыл.

Эта история с небольшими вариациями повторялась трижды. Рестораны, гости, дорогой коньяк... Я понял, что дело нечисто. Перед отъездом захожу к нему с утра.

— Захар, давай по чесноку. Что с машинкой?

Он поскреб голову. Щелкнул резинкой трусов «Адидас».

— Слушай, пошли на кухню. У меня там...

— Нет уж, хватит. Где она?

Миша вздохнул.

— Отобрали за долги. Давно. Не срослась одна тема... А когда поднялся, ну где ее, блин, искать? Взял компьютер... Ты сколько хочешь за нее?

— Двести баксов, — неожиданно сказал я.

Захар полез в косуху, распахнул лопатник.

— Держи. И не в обиду, если что. На кухню-то пойдем?

Несколько раз за сезон в лагере происходили драки. Дрались Юденич и Захар. Захар обычно сидел на разливе. Темно, емкости у всех разные, недолго ошибиться.

Отсюда устоявшийся сценарий. По мере окосения Юденич все сильнее подозревает Захара в мухлеже (что недалеко от истины). До поры Серёга терпит, цедит едкие замечания. Он с удовольствием дал бы Захару в глаз, но пока ему лень. На следующем этапе Юденич уверен, что Захар заныкал бутылку в песке. Это выше его сил.

— Ты думаешь, мне жалко?! — кричит он через стол. — Ты думаешь, мне этого говна жалко?? На, подавись!

Он выплескивает кружку в Захара.

— Это мои принципы, крыса! Ты же ворует. У своих ворует!

— Фильтруй базар, дебил! — Захар плещет в ответ, и тоже мимо.

Юденич встает. В суровом лице его блики костра. Кулаки сжаты.

— Все. Шас я тебя урою.

— Ты? Меня?? — Захар поднимается.

— Спорим, не подеретесь, — глумятся за столом.

— Отойдем в пампасы?

— Да легко!

Соперники, уверенно качаясь, исчезают во мраке дюн.

— Может, разнять? — предлагает кто-нибудь.

— Не ссы, помирятся. Скоро песняка давить начнут.

Из темноты доносятся сытные звуки оплеух, хэканье. Невнятный мат... Глухой удар оземь. Затем — минута тишины. И вдруг — песня. Появляются, обнявшись, Юденич и Захар. Нетрезвый дуэт выводит:

...Но вот пришла машина,
Раздолбанная шина.
Зелёная машина
Забрала мужика!

Змей уже схватил гитару. Удар по измученным струнам, и компания горланит вразнобой:

Представьте себе, представьте себе —
Зелёная машина!
Представьте себе, представьте себе —
Забрала мужика!
Не думал, не гадал он,
Никак не ожидал он...

Солнце убийственно лупит в брезент. Позднее утро. В палатке духота, звенят сытые комары. Жильцы выкарабкиваются на свет. Ползут к Волге — отмокать. Залечь на мелководье, чтоб один нос торчал из воды. И лежать, смывая ночь, глядя в идилическую бездну — пять минут, десять. Полчаса...

Затем бедняги добираются к столу. Уныло осматривают кружки. Ничего. Ничего? А вот и чего! И Миша Захаров тянет из песка бутылку водки.

— А-а-а! Я знал!! — торжествующий Юденич отпускает ему подзатыльник.

Водка горячая.

— Охладить бы... — сомневается Глеб.

Но Миша уже разливает.

Я мучительно удерживаю дозу, она спазмами лезет наверх. Мне суют кружку холодного чая... Мир фокусируется не сразу, будто дилетант-фотограф наводит резкость. Оживает беседа за столом. Веют запахи дыма и каши. У берега лопочет мотор. «Кто в волейбол, ханыги?» — кричит Змей, подбрасывая мяч. Бесконечный сериал «Лето»...

Змей, он же Игорь Кузьмин, навещал лагерь только по выходным. В будни он перепрофилировал цеха авиазавода на выпуск газонокосилок. Змей был из тех энергичных мальчишек, которые в руинах совка углядели бесхозные деньги. Надо только поднять их раньше других. Ну, может, слегка запачкать руки.

Лагерь встречал его, как родного: Змей отменно бацал на гитаре. Знал вдвое больше аккордов, чем кто-либо еще, а именно шесть. В какой-то момент наши с Игорем отношения беспричинно усложнились. Змей смотрел волком, отпускал в мой адрес колкости. На волейбольной площадке старался заглушить мне в голову. В застолье норовил подменить стакан.

Скоро мне объяснили, в чем дело. Кто-то насвистел Змею, что в десятом классе у меня был роман с его первой женой. Роман действительно был, но, во-первых, при царе Горохе. А кроме того, в основном платонический. Как там у Войновича?.. Два раза ходили в кино и трижды стояли в подъезде. Так что поздняя ревность Игоря казалась мне странной и днем отчасти забавной. Вечерами приходилось осторожничать: кирнутый Змей бывал непредсказуем.

Отйду, бывало, пописать. Возвращаюсь — точно: мой стакан у него. А передо мной его облупленная кружка. А я не люблю пить водку из кружки. Кайф ломается, эстетика не та. Поэтому возил на остров тонкий стакан, аккуратно завернув его в газету. Когда стакан разбивался, я покупал новый. Друзья раз посмеялись и забыли. Все, кроме Змея.

— Отдай, — говорю, — стакан.

Он театрально усмехается.

— Братва, гляньте на этого пижона! Зажлобил для товарища паршивый стакан...

— Выпей и отдай, — говорю.

Змей меня не слышит.

— Запало ему из кружки, интеллигент, блин...

— Мне? Да я пил из банного ковша!

— А я из футляра для бритвы!

— Ну и что? — встречает кто-нибудь. — А я — из бутылки вверх ногами...

— Это как?

— Дно откололось.

— Ха-ха! А я раз заснул на бильярдном столе, просыпаюсь...

— На бильярдном мягко! Я однажды на рояле спал...

— А я на разделочном...

— В морге?

— При чем тут морг?

— А при чем тут рояль??

Под шумок я делаю рокировку, и стакан возвращается на место.

Иногда, устав от перекатов и ледяных вершин, на остров являлся Егор Канатский, знаменитый турист-экстремал. Хронически жизнерадостный, похожий одновременно на Якубовича и Вилли Токарева, Егор имел с собой палатку и девушку. Палатку он выкроил лично, руководствуясь чертежами журнала «Survival». Специальная ткань не боялась огня и воды. Складывалась палатка до размеров бумажника. В готовом состоянии напоминала полуцилиндр. Умещала впритирку хозяина и его девушку. Девушки были разные, но одинаково полненькие и веселые, точно комплект матрешек. «Во-первых, не уведут, — объяснял Егор, — а главное — мягко». Как-то отвел меня в сторону, подмигнул и говорит:

— У меня сегодня рекорд!

— В смысле?

— Сто десять килограмм!

Вообще-то, девушки в лагере не приживались. Редко кто из них соглашался терпеть виртуозный мат Юденича и голую задницу Шубы. Кроме того, существовал риск нечаянных половых контактов. Я своих девушек туда категорически не брал, предпочитая иные места встреч. Однако это уже новая история.

А нынешнюю пора заканчивать.

Я вряд ли увижу этот остров. Нет, соврал. Правильное слово — никогда. Дело тут не в паспорте, устаревшем много лет назад. И не в реке, куда нельзя войти дважды. Можно войти. Просто я отвык бояться. Сумею ли напаять овечьё лицо? Едва ощутимо ускорить шаг при виде ментов — так, на всякий случай? А ведь захочется ускорить, и в этом главное паскудство. Мое отечество, увы, все чаще кажется синонимом внезапных неприятностей. Иностраный документ не гарантирует защиты, более того — способствует им. Дедушка, конечно, старый, ему все равно. Но у меня есть бабушка и внучка.

Остается воображение, ручное, как медведь. Танцует, веселит, но может увлечься и откусить голову. И все же риск не так велик. На случай провала есть кнопочка «esc». Кроме того, недавно я победил время. Оглядываю его извне, как бывший узник — сломанную клетку. В моем лице прощальный интерес. Меня ждет телепортация. К черту самолеты, пересадки и таможенный контроль. Я уже на пристани.

— Мужик, тебе на остров?

— Ага. (Интересно, сколько теперь берут... В кошельке австралийские доллары... Забыл! Забыл, идиот! Но стакан не знает девальвации.)

— Как насчет м-м?

— Годится! Залезай.

Вот и знакомые дюны, палатки... Низко поворчав, глохнет мотор. Лодка с мягким шелестом вонзается в песок. Я — худой, как мексиканец, на плече рюкзак, в зубах «Chesterfield» — прыгиваю в реку, чего бы там ни ляпнул Гераклит. Друзья привстают, оставив карты лицом вверх. Меня узнали.

— Ни хрена себе, кто приехал...

— Это Макс, что ли?

Обнимаемся, нахлопываем спины.

— Ты откуда?

— Дайте мне его куснуть...

— Штрафничок ему!

— Стакан-то привез?

— Ну, брат, рассказывай.

И вдруг я понимаю, что рассказывать мне нечего. Тридцать лет исчезли в никуда, хоть заново живи. Дым царапает глаза, не хватало еще прослезиться... Где эта чертова кнопка?? «Esc»! «Esc»!! «ESC»!!! Ничего... Только Волга, хруст песка и лето без конца. И солнце, как блестящая трехкопеечная монета, кувыркается в небе. А после мягко шлепается в подставленную ладонь.